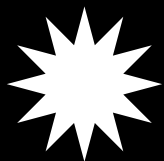

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

8 ArtCurious: о том, почему искусство — это не (всегда) скучно

НЕОЖИДАННОЕ

- 18 1. Любимый художник вашей мамы был тем еще бунтарем:
Клод Моне и импрессионисты — подрыватели устоев
- 44 2. Тайные краски: связь между ЦРУ и абстрактными
экспрессионистами
- 68 3. Действительно ли британский художник Уолтер Сикерт
был Джеком-потрошителем?
- 96 4. Сентиментальный, слащавый и... социально ответственный:
Норман Роквелл в 1960-х

НЕМНОГО СТРАННОЕ

- 122 5. Исчезающая дама: (многочисленные) пропажи и подделки
«Моны Лизы» 6. Рог изобилия трупов: художники эпохи
Возрождения, анатомия и миф о торговле телами
- 154 7. (Предположительное) убийство
Винсента Ван Гога
- 176 8. Одиссея странностей, или Многочисленные приключения
«Спасителя мира»
- 208

ПОИСТИНЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ

- 236 9. Сеансы и странности: как женщины-спиритуалистки
изобрели современное искусство
- 264 10. Поп-музыка: мелодия на ягодицах грешника из «Сада
земных наслаждений» Босха
- 286 11. Откровение в стиле реди-мейд: правда ли, что автором
шедевра Марселя Дюшана была немецкая баронесса?
- 324 12. Обрезанные ногти и счета за телефон: капсулы времени
Энди Уорхола

БЛАГОДАРНОСТИ

347

ВВЕДЕНИЕ

ArtCurious: о том, почему искусство — это не (всегда) скучно

Моя работа тесно связана с искусством — в моей жизни его очень много. Будучи куратором современного искусства в Художественном музее Северной Каролины в Роли, штат Северная Каролина, я провожу свои дни, блуждая по галереям, исследуя коллекции и радостно обсуждая достоинства и связи между произведениями. Конечно, жить, буквально прикасаясь к искусству, — это уже само по себе является наградой, но одной из самых приятных частей моей работы являются встречи с другими любителями изобразительного искусства: с теми, кто радостно вспоминает детские экскурсии в музей, хвалит недавнюю смену выставки или спрашивает о местонахождении конкретной картины так, словно это их давно потерянный друг. **Люди, способные восторженно обсуждать мастерское владение кистью, символизм и творческие порывы, — это мои люди.**

Однако вас может удивить тот факт, что я не меньше люблю встречать людей из разряда «Искусство — это не мое». Регулярно попадают и те, кто на уроках по истории искусств тихо спали под монотонное бур-

чание преподавателя, повествующего о хиазмах и сфумато. Даже от постоянных посетителей музея я иногда слышу, что их визиты вызваны не столько стремлением к прекрасному, сколько отличными бургерами и жареной картошкой в музейном буфете. А еще есть студенты, уныло плетущиеся за своими бабушками и дедушками, которых они согласились сопровождать из уважения.

Есть и те, кто, быстро рассмотрев работу, прямо спрашивают: «И что в этом такого?» Другие же, напротив, едва ступив в музей, начинают бояться чего-то не понять и убеждают себя, что мир искусства никогда не раскроет перед ними свои врата.

Искусство не для всех, и я это понимаю.

Вас может удивить то, что я, историк искусств, на самом деле прекрасно понимаю всех этих людей. Но так оно и есть. Я действительно знаю, о чем думают те, кто раз за разом повторяет, что изобразительное искусство не для них.

Потому что я тоже была такой.

В детстве я действительно была далека от живописи и всего такого. Зато у меня была предрасположенность к миру слов, так что, когда я, будучи совсем ребенком, начала писать рассказы, меня вполне устраивали мои нарративные конструкции и развитие персонажей (а вот их имена оставляли желать лучшего. Единорог по имени Красотка? *Пятилетняя Дженнифер, ты серьезно?*). Однако сама мысль о том, чтобы проиллюстрировать свои истории, заставляла меня нервно ерзать на стуле. Набрав разных карандашей и фломастеров, я начинала рисовать в надежде вдохнуть жизнь в свои истории и сделать это в эстетически приемлемой манере. И раз за разом меня разочаровывали кара-

кули, оказывающиеся на листе бумаги вместо шедевров, которые я хотела там видеть.

Не сказать, что что-то изменилось, когда я оказалась в среде художников. Представьте меня — школьницу, — вооруженную только карандашом, ластиком и листом бумаги. Передо мной стояла одна задача: в течение пяти минут мне и другим ученикам необходимо было нарисовать идеальную окружность. Ни циркуля, ни линейки — только свои собственные руки и простейшие канцелярские принадлежности. «Не переживай, — успокаивала учительница. — Стирать можно сколько угодно! Но тебе лучше нарисовать самую *идеальную окружность*, на которую ты способна, ведь от этого будет зависеть твоя оценка».

С этой окружности начинался каждый урок рисования в средней школе. До сих пор не имею понятия о том, насколько полезно это упражнение, и учат ли так где-нибудь еще. Но зато я четко помню, как тщательно всматривались в мои работы на экзамене и что я при этом чувствовала. «*Должно быть, это и есть искусство*», — думала я. И это была настоящая пытка. Подозреваю, что что-то подобное происходило со многими людьми. Возможно, даже с вами.

И это очень печально, так как мне предстояло открыть для себя, что искусство — это нечто большее.

С тех пор я до самого колледжа успешно избегала изобразительного искусства, сосредоточив все свои усилия на науке. Я заранее с гордостью выбрала себе специальность — геология по направлению «палеобиология», — а также соответствующие предметы: химию, высшую математику, науки о Земле. Я была счастлива. Однако по правилам нужно было включить в свой курс хотя бы один гуманитарный предмет.

И, как назло, все, что меня интересовало — кино, литература, народное творчество и сказки, — было уже занято. Расстроенная, я встретила со своим куратором. «Без проблем, — заверила она. — Сейчас посмотрим свободные места и подумаем, что можно сделать».

Она извлекла из ящика и с громким стуком положила на стол огромный справочник учебных предметов. Затем открыла его в самом начале — на букве А. Через мгновение она уверенно посмотрела на меня: «Ну вот, история искусств! Здесь *все* выбирают этот предмет. Давай только глянем, есть ли места».

И прежде чем я успела открыть рот, чтобы возразить, она уже зарегистрировала меня. Вот так, без согласия меня подписали на полугодовой курс, который был мне отвратителен! Искусство? История искусств? Это звучало как мучительное издевательство, бесполезное и унылое.

К середине семестра я поняла, что была не права. Невольно начав изучать историю искусств, я вдруг осознала, что с нетерпением жду каждого урока, чтобы узнать новые истории, скрытые символы и даже термины, и что это кажется мне более увлекательным, чем опыты в химической лаборатории и изучение земной коры. Что еще более странно, я ощущала это стремление и в свободное время, и пока мои соседи по общежитию потребляли Стивена Кинга и Дина Кунца, а порой и дешевые любовные романы в мягкой обложке, меня тянуло снова и снова читать и рассматривать иллюстрации в моем учебнике по истории искусств (*кхе* Осторожно, ботаник! *кхе*). Это неожиданное изменение заставило меня задаться вопросом относительно того, в чем я давно была уверена: *я не люблю искусство*. История искусств — это скучно. Так ведь? *Так?*

Не так. На самом деле мне *нравилось* узнавать что-то про искусство.

И вот почему. На мой взгляд, **история искусств состоит из... историй: что побуждает художника создавать, что определенный предмет или тема могут рассказать нам о коллекционере произведений искусства или богатом меценате; как была принята и оценена работа в эпоху, когда она была создана.**

И хотя в школе я выучила каждый термин — от теневризма до прямолинейно-пространственной перспективы — и запомнила имя каждого художника, каждую эпоху и время создания каждой работы, я быстро поняла, что **самые главные вопросы в истории искусств — это не «что?», а «как?» и «почему?».**

Как правдоподобно изобразить трехмерный объект на плоскости? Как личная жизнь художника влияла на его работу и влияла ли вообще? Почему какая-то картина или скульптура вызвала такой фурор в целой прослойке общества? Эти вопросы волновали меня, а ответы были не менее интересными и захватывающими, чем пьесы и романы. Мне постоянно было мало получаемой информации.

История искусств сделала то, чего со мной не происходило ранее: она открыла для меня новый мир, полный неизведанного. Она погрузила меня в историю (еще бы!), мировые религии, философию, литературу, научный анализ и даже, как ни странно, немного в математику. История искусств открыла мне двери в совершенно разные области знаний: исследуя античную скульптуру и работы Рубенса и Тициана, я прекрасно выучила греко-римскую мифологию; также усвоила основные заветы буддизма; четко запомнила сотни имен и историй католических святых через тысячелетнюю историю церковной архитектуры;

углубилась в тончайшие нюансы политического диссидентства и революции, работая с произведениями неоклассиков; осознала силу рекламы благодаря Уорхолу и Лихтенштейну, которые развили ее до уровня искусства. (Не говоря уже о тех чудесах, которые история искусств творит для понимания музыкальных клипов Бейонсе.) Если вкратце: история искусств изменила меня, и, возможно, если дать ей шанс, то она изменит и вас.

То, что я — человек, зарабатывающий деньги при помощи полного погружения в мир искусства, сплошь и рядом сталкивающийся с комментариями из разряда «искусство — это скучно» (которыми, кстати, сама грешила в молодости), — это забавное проявление кармического возмездия. Конечно, я встречаю людей, брови которых ползут вверх, когда я говорю, что я — куратор музея, но в свое время я была удивлена тем, как много людей равнодушны к музеям и искусству.

Я не жду и не хочу, чтобы все обожали изобразительное искусство так же, как я, но каждый раз я понимающе улыбаюсь и говорю: «Я знаю. Я тоже так думала. Чтобы втянуться, вам просто нужна хорошая история».

Подкаст *ArtCurious*¹.

Я начала вести это аудишоу в надежде поделиться теми вещами, которые сделали историю искусств интересной для меня. *ArtCurious* не является — и не должен являться — введением в историю искусств или заменой полноценным образовательным курсам. Это

¹От слов *art* — «искусство», «изобразительное искусство»; *curious* — «любопытный». Здесь и далее примечания переводчика.

скорее способ поделиться потрясающими историями об искусстве, художниках и о том, как странным и неожиданным образом под их влиянием менялся мир — ведь самыми лучшими историями обычно являются странные, забавные, таинственные или даже неприятные. Я хотела преподнести историю искусств не душевной и однообразной, а легкой в усвоении — ведь она, конечно, может быть полезной, но помимо этого она может быть и *интересной*. *ArtCurious* — это подкаст о хорошем. А теперь, в 2020 году, *ArtCurious* — это книга и тоже о хорошем.

В общении с друзьями я часто отмечаю, что больше всего на свете меня способна заинтересовать хорошая история и что именно истории превращают обыденные вещи и идеи во что-то особенное. «Если вы сможете рассказать мне действительно крутую историю о линейке, — говорю я, — то я всегда буду в восторге от линеек».

С такой же установкой я подбирала истории для этой книги. Существует множество поистине фантастических и важных вещей в истории искусств, которыми стоило бы поделиться, но истории, попавшие в эту книгу, — мои любимые примеры неожиданного, немного странного и поистине удивительного. Если повезет, то эта книга погрузит вас в интереснейший мир и вы скажете своим друзьям что-то вроде: «Только что узнал одну историю про *«Мону Лизу»* и увидел эту картину совершенно с другой стороны!»

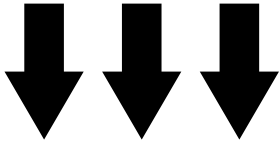
Обсуждение истории искусств через интересные рассказы — это не только весело: оно несет еще один глубокий продолжительный эффект. Искусство — это одна из тех немногих вещей, которые связывают нас друг с другом и открывают в нас нашу общую человечность. А еще искусство — это безотказная машина

времени, позволяющая нам почувствовать связь даже с самыми первыми творцами (согласитесь, наскальные рисунки намного круче всяких древних инструментов из пещер).

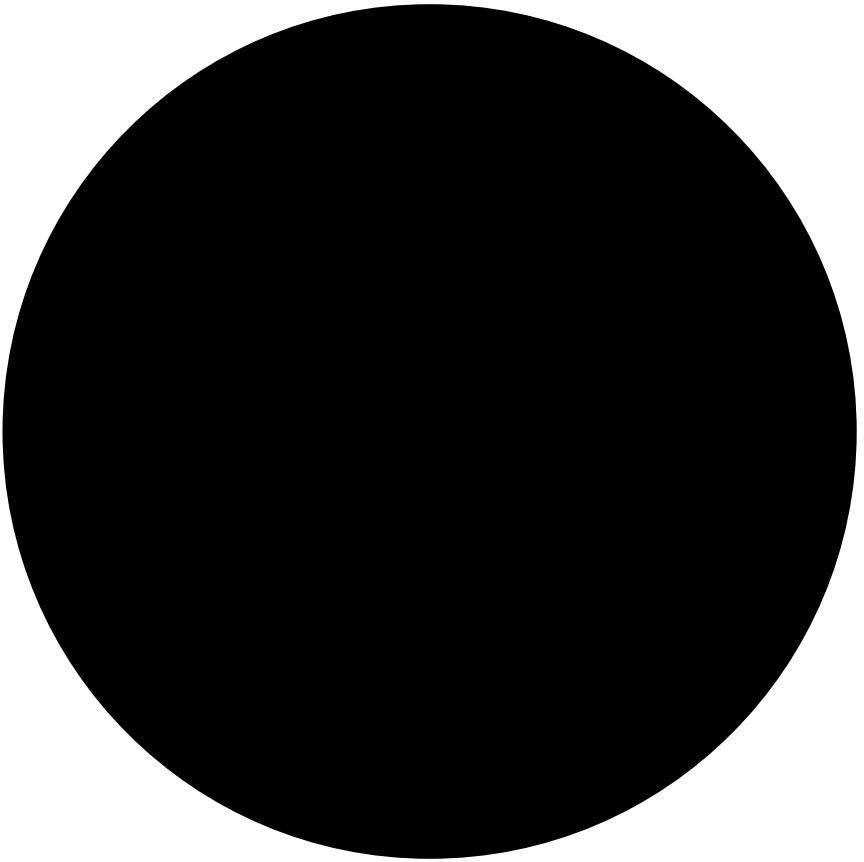
Доступ и всеобщая осведомленность об изобразительных искусствах и их истории необходимы для построения и развития разностороннего общества и, естественно, разностороннего человека.

Но даже если мир искусств вам близок, время от времени требуется что-то, что поможет вновь разжечь искру интереса.

Для этого и пригодится данная книга со странными и неожиданными историями, призванными напомнить нам, что искусство, как и все наши творческие порывы, *важно*. Потому что искусство — это не (всегда) скучно. Иногда это именно то, что заставляет жизнь играть новыми красками.

НЕОЖИДАННОЕ

Любимый художник
вашей мамы был
тем еще бунтарем:
Клод Моне
и импрессионисты —
подрыватели
устоев

1

Другие художники рисуют мост, дом, лодку... Я же хочу изобразить воздух, в котором находятся эти мост, дом и лодка, — красоту этого пространства вокруг них, а это как минимум невозможно.

Клод Моне, художник

Импрессионисты просто... рисуют пятна краски.

Эдмон де Гонкур, критик

Несмотря на то что моя мать познакомила маленькую меня с культурой в различных ее проявлениях — симфония, балет, театр, — я помню, что изобразительному искусству она уделяла крайне мало внимания. Собственно, его представлял только висящий в спальне родителей выставочный плакат в рамке с изображением одних из бесчисленных кувшинок Клода Моне. Плакат интересовал меня только тем, что на нем было много пурпурного и розового (лучшие цвета на свете, по мнению шестилетней меня).

Однако я четко помню тот день, когда мои (скудные) познания о Моне (1840–1926) выбрались за пределы родительской спальни. Моя мама купила для всей семьи билеты на выставку Моне в Музее де Янга в Сан-Франциско, и мы собирались устро-

ить день искусства. Обед! Семейные узы! Она была в восторге.

Мы с отцом — нет. Он, кстати, до сих пор не очень интересуется тем, что (с любовью) называет «дерьмовой мазней», а я не могла даже представить худшего занятия для солнечной субботы, чем пялиться на кучу древних заплесневелых картин какого-то мертвого заплесневелого мужика.

Мы с папой неохотно плелись по галереям музея следом за мамой, которая восхищалась пастельными тонами Моне, его нежными ивовыми деревьями, розовыми решетками, мостами и этими проклятыми кувшинками. В какой-то момент, ближе к концу выставки, когда мы уже были вымотаны импрессионизмом, нам попался трехметровый горизонтально расположенный на стене холст, висящий в гордом одиночестве. Это была настоящая буря красок и мазков, в которой не угадывались никакие предметы или сюжет.

«Что же, черт возьми, это такое?» —

проворчала я у себя в голове (естественно, тогда я не имела понятия о такой маленькой вещи, как абстракция). Мой отец, казалось, думал о том же самом, когда едко прокомментировал полотно:

«А здесь он, должно быть, вытирал кисти после рабочего дня».

Мы посмеялись: это же не картина! Просто какая-то беспорядочная мазня в рамке! Наконец-то мы ощутили те самые долгожданные семейные узы — правда, только поиздевавшись над полотном Моне. И в течение долгого времени эта выставка оставалась единственным, что формировало мое представление о Моне: неаккуратный, простой, милый и банальный.